

Джордж Элиот

Даниэль Деронда

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э46

Э46 **Элиот Д.**
Даниэль Деронда / Джордж Элиот – М.: Книга по Требованию, 2025. – 692 с.

ISBN 978-5-521-39129-5

ISBN 978-5-521-39129-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

досугъ, который, въ промежутки между наживаніемъ денегъ и блестящимъ ихъ прожиганіемъ, не видитъ ничего дурного въ приобрѣтеніи ихъ великосвѣтской игрою. Онъ утверждалъ, что Провидѣніе никогда не осуждало этой забавы, и оставался достаточно хладнокровнымъ, чтобъ бросать игру, какъ только она переставала доставлять ему пріятное развлеченіе, т. е. когда онъ переставалъ выигрывать. Въ его глазахъ порочнымъ считался только тотъ игрокъ, который проигрывалъ. Въ его обычныхъ манерахъ всегда проглядывалъ лавочникъ, но въ забавахъ онъ былъ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ самыми древнѣйшими титулованными особами.

Подлѣ его стула стоялъ красивый итальянецъ, спокойный, пластичный, хладнокрово протягивавшій чрезъ плечо англичанина груды золотыхъ монетъ. Первая изъ этихъ грудъ, вынутая изъ новаго мѣшка, только-что принесеннаго курьеромъ съ большими усами, черезъ полминуты перешла къ сухощавой старухѣ въ большомъ парикѣ и съ лорнеткой на носу. Старуха слегка улыбнулась, и въ глазахъ ея что-то блеснуло; но пластичный итальянецъ не дрогнулъ и тотчасъ-же приготовилъ другую груды золота, вѣроятно, убѣжденный въ непогрѣшимости своей системы вѣрнаго выигрыша. Точно такъ-же самоувѣренно смотрѣлъ на игру стоявшій рядомъ франтъ и кутила съ моноклемъ; руки его дрожали, выставляя золотыя монеты, но онъ пламенно вѣлъ игру, очевидно, вѣря въ сны или счастливыя числа.

Хотя каждый игрокъ рѣзко отличался отъ своего сосѣда, но на всѣхъ, какъ будто, была надѣта одна маска умственного отупѣнія, словно всѣ они обѣлились однимъ и тѣмъ-же зельемъ, на время одинаково одурманившимъ ихъ головы.

Взглянувъ на эту мрачную сцену помраченія человѣческаго сознанія, Даніель Деронда подумалъ, что игра испанскихъ пастуховъ гораздо привлекательнѣе и что, въ этомъ отношеніи, Руссо былъ правъ, утверждая, что искусство и наука сослужили плохую службу человечеству.

Но вдругъ онъ почувствовалъ, что положеніе его становится драматичнымъ. Его вниманіе сосредоточилось на молодой дѣвушкѣ, которая стояла почти подлѣ него; но его взглядъ почему-то случайно остановился на ней послѣ того,

какъ онъ осматрѣлъ всѣхъ игроковъ. Она, наклонясь, говорила что-то по-англійски дамѣ среднихъ лѣтъ, сидѣвшей рядомъ съ нею за игорнымъ столомъ; черезъ минуту она возвратилась къ игрѣ, и Деронда могъ вполне рассмотреть ея граціозную, высокую фигуру и лицо, которое, быть можетъ, не во всѣхъ возбуждало восторгъ, но непременно останавливало на себѣ вниманіе каждаго.

Борьба мыслей, возбужденная ею въ умѣ Деронда, придала его глазамъ сосредоточенное пытлиное выраженіе, мало-по-малу замѣнявшее ихъ первоначальный взглядъ неопредѣленного восторга. Онъ то слѣдилъ за движеніями ея фигуры и рукъ, когда она, наклонясь къ столу, рѣшительно клала ставку, то сосредоточивалъ свои взоры на ея лицѣ. Она-же, не обращая никакого вниманія на окружающихъ, упорно слѣдила за игрой.

Она выигрывала. Въ ту минуту, когда ея тонкіе пальцы въ свѣтло-сѣрой перчаткѣ уставляли пододвинутую къ ней грудю золотыхъ монетъ для новой ставки, она посмотрѣла вокругъ себя холоднымъ, равнодушнымъ взглядомъ, который, однакожь, не вполне скрывалъ ея внутренній восторгъ.

Во время этого быстрого обзора окружающихъ, ея глаза, неожиданно встрѣтились съ глазами Даніеля Деронда; но вмѣсто того, чтобы отвернуться, какъ ей хотѣлось, она съ неудовольствіемъ почувствовала, что его взглядъ приковывалъ ея глаза. На долго-ли? Какъ молнія блеснуло въ ея головѣ, что онъ не имѣлъ ничего общаго съ окружавшими ее ничтожностями, что онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше ея и наблюдать за нею, какъ за любопытнымъ образцомъ низшаго вида; ей стало досадно, и она закипѣла злобой, предвѣстницей борьбы. Щеки ея не покрылись румянцемъ, но губы поблѣднѣли. Ее удержала отъ вспышки внутренняго рѣшимости вызвать его на бой, и, чуть-чуть выдавая свое смущеніе блѣдностью губъ, она снова обратилась къ игрѣ. Но взглядъ Деронда какъ-бы слѣзнулъ ее. Ставка была проиграна. Это ничего не значило; она постоянно выигрывала съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ сѣла за рулетку, имѣя въ своемъ распоряженіи только нѣсколько золотыхъ монетъ; теперь-же у нея былъ значительный запасъ денегъ. Она

начинала вѣрить въ свое счастье, и не она одна, а всѣ: ей представлялось уже, что толпа ей поклоняется, какъ богинѣ счастья, и идетъ за нею, какъ за путеводной звѣздой. Подобная удача выпадала, вѣдь, на долю игроковъ мужичиъ, почему-же не можетъ она выпасть и на долю женщины?

Сначала ея подругѣ и спутницѣ не хотѣлось, чтобы она играла, но теперь уже и она одобряла ея игру, только осторожно совѣтуя ей остановиться во-время и увезти выигранныя деньги въ Англію, на что Гвендолина отвѣчала, что ее прельщало волненіе игры, а не выигрывать. Поэтому настоящія минута должна была представлять наивысшую точку напряженія ея пламенной игры. Однакожъ, когда слѣдующая ставка была также проиграна, она почувствовала, что зрачки ея глазъ разгораются, и сознаніе, что этотъ человѣкъ, хотя она на него не смотрѣла, все слѣдитъ за нею, стало мучительно тяготить ее. Она стала еще болѣе упорствовать въ своей рѣшимости продолжать игру: она желала показать ему, что ей было все равно—выигрывать или проиграть. Спутница тронула ее за плечо и предложила отойти отъ стола. Въмѣсто отвѣта Гвендолина положила на столъ десять золотыхъ; она находилась въ томъ вызывающемъ настроеніи, когда умъ теряетъ все изъ вида, кромѣ бѣшеннаго упорства, и съ слѣпымъ безуміемъ вызвала на бой самое счастье. Если она не страшно выигрывала, то лучше всего было-бы страшно проиграться. Она напрягла всѣ свои силы и не выказала ни малѣйшей дрожи ни въ линіяхъ вокругъ рта, ни въ пальцахъ. Каждый разъ, какъ ея ставка была бита, она безмолвно удваивала ее. Сотни глазъ пристально слѣдили за нею, но она чувствовала только взглядъ одного Деронда, который,—она была увѣрена, хотя ни разу не взглянула на него,—не трогался съ мѣста. Подобная драма оканчивается скоро: завязка, развитіе дѣйствія и развязка не продолжаютъ болѣе минуты.

— *Faites votre jeu, mesdames et messieurs*—сказать автоматическій голосъ судьбы изъ-подъ длинныхъ усовъ банкомета, и рука Гвендолины машинально подвинула свою послѣднюю груду золотыхъ.

— *Le jeu ne va plus*,—произнесла судьба.

Черезъ секунду Гвендолина отвернулася отъ стола и твердо, рѣшительно взглянула на Деронда. Ироническая улыбка блеснула въ его взглядѣ, когда ихъ глаза встрѣтились; но, во всякомъ случаѣ, лучше было, хоть на минуту остановить на себѣ его вниманіе, чѣмъ позволить ему проскользнуть взоромъ мимо нея, какъ маленькой единицы изъ роя безликихъ насѣкомыхъ. Изъ тому-же, несмотря на его иронію и гордое чувство превосходства, трудно было повѣрить, чтобъ онъ не восхищался ея силой воли и красотой. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою, полонъ благороднаго достоинства и не походилъ на смѣшныхъ, нелѣпыхъ филистеровъ, которые, проходя мимо, считали своимъ долгомъ заклеить рулетку горькимъ взглядомъ протеста. Общее убѣжденіе въ своемъ превосходствѣ не легко колеблется отъ перваго отрицанія: напротивъ, когда какой-нибудь мужской или женскій представитель тщеславія находитъ, что его игра встрѣчается холодно, онъ предполагаетъ, что усиленіе ставокъ въ этой игрѣ побѣдитъ упрямаго сектанта. Въ умѣ Гвендолины раз навсегда сложилось убѣжденіе, что она знаетъ, чѣмъ слѣдуетъ восхищаться, и что ею самую восхищаются всѣ. Эта основа ея убѣжденій теперь поневолѣ нѣсколько дрогнула и колебалась; но вырвать ее съ корнемъ было не легко.

Въ этотъ-же день вечеромъ игорная зала блестяла глазомъ и роскошными нарядами дамъ, извивавшихъ на паркетѣ свои длинныя рельефы, или неподвижно сидѣвшихъ на диванахъ.

Неренда въ блѣдно-зеленомъ платьѣ съ серебряными украшеніями и въ зеленой шляпкѣ съ такимъ-же зеленымъ перомъ, оправленнымъ въ серебро, была Гвендолина Гарлетъ. Она находилась подъ крылышкомъ или, лучше сказать, подъ сѣнью той самой дамы, которая сидѣла подлѣ нея за рулеткой; съ ними были джентльмены съ коротко-обстриженными волосами, сѣдыми усами, густыми бровями и военной выправкой пѣмца. Они ходили взадъ и впередъ по залѣ, останавливаясь по временамъ и разговаривая со знакомыми. На Гвендолину было обращено всеобщее вниманіе.

— Поразительная дѣвушка эта миссъ Гарлетъ. Она не ходитъ на другихъ.

— Да, она одѣлась змѣей, вся въ зеленомъ и серебрѣ. Она что-то сегодня болѣе обыкновеннаго поводитъ шеей.

— О, она всегда эксцентрична. Вы находите ее красивой м-ръ Вандернуть?

— Еще-бы! За нее можно повѣситься... дураку, конечно.

— Такъ вамъ правится *nez retroussé* и длинныя, узкія глаза?

— Да, когда все составляетъ такой *ensemble*.

— *L'ensemble du serpent*?

— Пожалуй. Змѣя соблазнила женщину, отчего-же ей не соблазнить мужчины?

— Конечно, она очень граціозна, но ея лицу недостаетъ румянца.

— Напротивъ, я полагаю, что цвѣтъ лица—одна изъ ея главныхъ прелестей. Эта нѣжная блѣдность очаровательна и дышетъ здоровьемъ. А ея маленькій носикъ, вздернутый кверху, просто восторгъ! А ротикъ... такого прелестнаго ротика, съ темнаго приподнятой верхней губкой, никто еще не видѣлъ, не правда-ли, Маквортъ?

— Вы полагаете? А я терпѣть не могу такихъ ртовъ. Его очертанія слишкомъ неподвижны, и въ немъ просвѣчиваетъ гордое самодовольство. Я предпочитаю маленькій ротикъ съ дрожащими губками.

— А по моему, она просто противна,—сказала старуха аристократка;—странно, какія непріятныя дѣвушки входятъ въ моду. А кто эти Лапгены? Знаетъ ихъ кто-нибудь?

— Они совершенно *comme il faut*. Я обѣдалъ у нихъ нѣсколько разъ въ *Hôtel de Russie*. Баронесса—англичанка. Миссъ Гарлетъ приходится ей кузиной. Что-же касается до нея самой, то это очень образованная и умная дѣвушка.

— Неужели! А баронъ?

— Полезное украшеніе гостиной.

— Ваша баронесса всегда за рулеткой,—сказалъ Маквортъ;—вѣрно, она-то и научила молодую дѣвушку играть.

— Старуха ведетъ самую скромную игру; ея ставка никогда не превышаетъ десяти-франковой монеты. Молодая дѣвушка болѣе увлекается, но это только минутный капризъ.

— Я слышала, что она проиграла сегодня все, что выиграла въ послѣдніе дни. Богаты-ли они?

— Кто можетъ знать о богатствѣ другихъ?—замѣтили Вандернуть и пошелъ поздороваться съ Лангеномъ.

Замѣчаніе, что Гвендолина въ этотъ вечеръ повела шеей болѣе обыкновеннаго, было совершенно справедливо. Но она это дѣлала не для схода съ змѣею, а чтобъ скорѣе замѣтить въ толпѣ Деронда и навести справки о чловѣкѣ, презрительный взглядъ котораго мучилъ ее еще до сихъ поръ. Наконецъ, случай къ тому представился.

— М-ръ Вандернуть, вы всѣхъ знаете, сказала Гвендолина нѣсколько тономъ:—кто это стоитъ у дверей?

— Тамъ болѣе дюжины мужчинъ? Вы говорите о старомъ Адонисѣ въ парикѣ временъ Георга IV?

— Нѣтъ, нѣтъ! Вонъ, тотъ брѣнетъ, съ этимъ страшнымъ выраженіемъ лица.

— Вы считаете его страшнымъ? А я полагаю, что онъ красивецъ.

— Кто же онъ?

— Онъ недавно пріѣхалъ и остановился въ нашемъ отелѣ вмѣстѣ съ сэромъ Гюго Малинджеръ.

— Съ сэромъ Гюго Малинджеръ?

— Да. Вы его знаете?

— Нѣтъ, отвѣтила Гвендолина, слегка покраснѣвъ;— у него помѣстье рядомъ съ нашимъ, но онъ никогда тамъ не живетъ.

— А какъ вы называли этого джентльмена?

Деронда... М-ръ Деронда.

Какое прекрасное имя! Онъ англичанинъ?

— Да. Онъ, говорятъ, близкій родственникъ баронету. Вы имъ интересуетесь?

Да, онъ не походитъ на всѣхъ молодыхъ людей.

— А вы не любите вообще молодыхъ людей?

— Нѣсколько. Я всегда заранее знаю, что они скажутъ; но я, право, не могу догадаться, что скажетъ м-ръ Деронда. О чемъ онъ обыкновенно говорить?

— Преимущественно ни о чемъ. Я сидѣлъ съ нимъ около

часу вчера ночью на террасѣ, и онъ ничего не говорилъ и даже не курилъ. Онъ, кажется, скучаетъ.

— Вотъ еще причина, почему я желала-бы съ нимъ поскорѣе познакомиться. Я также всегда скучаю.

— Онъ, вѣроятно, будетъ очень радъ представиться вамъ. Хотите, я его приведу? Вы позволите, баронесса?

— Отчего-же нѣтъ, если онъ родственникъ сэра Гюго Малинджера.

— А, у васъ уже новая роль, Гвендолина; вы намѣрены скучать? сказала баронесса Лангенъ, когда м-ръ Вандернугъ отошелъ отъ нихъ;—до сихъ поръ ты постоянно съ утра до вечера къ чему-то пламенно стремилась.

— Все это потому, что я до смерти скучаю. Если мнѣ придется бросить игру, я для развлечения сломаю себѣ руку или ключицу. И должна сдѣлать что-нибудь необыкновенное, или вы поѣдете со мною въ Швейцарію и мы взберемся на Мотергорнъ?

— Можетъ быть, знакомство съ м-ромъ Деронда замѣнитъ тебѣ Мотергорнъ.

— Можетъ быть.

Но Гвендолинѣ не суждено было теперь познакомиться съ Деронда. М-ру Вандернугу не удалось въ этотъ вечеръ подвести его къ молодой дѣвушкѣ, а возвратясь домой, она нашла письмо, требовавшее ея немедленнаго возвращенія въ Англію.

ГЛАВА II.

Вотъ письмо, которое Гвендолина нашла у себя на столѣ:

„Милое мое дитя!

Вотъ прошла уже недѣля, какъ я напрасно жду отъ тебя вѣсточки. Ты въ послѣдній разъ писала, что Лангены хотѣли ѣхать въ Бадень. Какъ тебѣ не стыдно быть настолько легкомысленной, чтобы не увѣдомить меня о своемъ новомъ адресѣ? И опасаясь, что это письмо не дойдетъ до тебя. Во всякомъ случаѣ, ты должна была возвратиться домой уже въ сентябрѣ, а теперь я прошу тебя пріѣхать, какъ можно

скорѣе, потому что если-бъ ты израсходовала всѣ свои деньги, то я не могла-бы тебѣ пичего выслать, а занимать у Лангеновъ ты не должна: мнѣ нечѣмъ имъ заплатить. Да, дитя мое, вотъ грустная вѣсть, къ которой я не умѣю тебя подготовить, какъ слѣдуетъ. Насъ поразило страшное несчастіе. Ты не имѣешь никакого понятія о дѣлахъ и этого не поймешь, но Гранпель и К^о обанкротились на миллионъ^у и мы, т. е. тетка Гаскойна и я, совершенно разорены. У твоего дяди остался только его пасторскій доходъ, но все-же, продавъ лошадей и помѣстивъ гдѣ-нибудь мальчиковъ, они могутъ еще существовать. У меня-же не осталось ничего. Все, что нажилъ нашъ бѣдный отецъ, должно идти въ уплату долговъ. Сердце разрывается при мысли, что я должна писать объ этомъ тебѣ; но чѣмъ скорѣе ты это узнаешь, тѣмъ лучше. Конечно, нельзя не сожалѣть, что ты уѣхала именно въ это время; но я никогда не буду упрекать тебя, милое дитя мое, и, если-бъ только могла, я набавила-бы тебя отъ всякихъ непріятностей. По дорогѣ домой ты можешь на свободѣ подготовиться къ ожидающей тебя здѣсь переменѣ. Можетъ быть, намъ немедленно придется оставить Офендинъ, такъ-какъ я полагаю, что м-ръ Гейнсъ возьметъ его обратно. Конечно, мы не можемъ поселиться въ пасторскомъ домѣ: тамъ нѣтъ свободнаго угла. Мы будемъ принуждены переехать въ какую-нибудь бѣдную хижину и жить милостями дяди Гаскойна, пока не представится какого-нибудь мѣста. Я не въ состояніи уплатить теперь даже жалованья слугамъ и долги въ лавки. Будь тверда, дитя мое, и покорись волѣ Божіей, хотя, правда, очень тяжело примириться съ мыслью, что мы всеѣмъ этимъ обязаны преступному легкомыслію м-ра Лосмана. Твои бѣдныя сестры только плачутъ и ни въ чемъ не могутъ мнѣ помочь. Если-бъ ты была здѣсь, быть можетъ, блеснуть-бы лучъ свѣта въ отуманившей насъ черной тучѣ. Я никакъ не могу повѣрить, чтобъ ты была рождена для бѣдности. Если Лангены останутся еще заграницей, то найди кого-нибудь, съ кѣмъ ты-бы могла вернуться; но, во всякомъ случаѣ, пріѣзжай какъ можно скорѣе къ твоей горящей и любящей тебя матерѣ

Фанни Давило“.

Первое впечатлѣніе, произведенное на Гвендолину этимъ письмомъ, было сокрушающее. Слѣпая увѣренность, что ея судьба должна быть блестяща, и что всякое затрудненіе само собою сгладится, укоренилось въ ея сознаніи еще крѣпче, чѣмъ въ умѣ ея матери, благодаря ея молодой крови и внутреннему сознанію своего превосходства. Ей такъ-же трудно было вдругъ повѣрить, что ее ждали бѣдность и унижительная зависимость, какъ почти недостижимо было ея цвѣтущимъ физическимъ силамъ леденящее сознаніе о неизбежности смерти. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она стояла неподвижно; потомъ быстро едернула съ головы шляпку и машинально посмотрѣла въ зеркало. Ея гладкіе свѣтло-каштановые волосы были въ порядкѣ, точно она сейчасъ причесалась для бала; она имѣла полное право, какъ это дѣлала нерѣдко, полюбоваться собою (совершенно позволительное удовольствіе); но теперь она не сознавала своей красоты и безчувственно смотрѣла въ пространство, точно ей послышался какой-то страшный звукъ, и она ждала съ трепетомъ его объясненія. Потомъ она бросилась на красный бархатный диванъ, перечитала два раза письмо и, бросивъ его на полъ, задумалась.

Подперевъ подбородокъ руками, она сидѣла неподвижно, но не плакала. Она хотѣла серьезно обдумать свое положеніе и скорѣе смѣло отпарировать ударъ, чѣмъ предаться глупому отчаянію. Сердце ея не болѣло за „бѣдную маму!“—ея мать никогда, повидимому, не пользовалась благами жизни,—и если въ эту минуту она могла кого-нибудь сожалѣть, то только себя. Но все ея существо теперь было преисполнено не сожалѣніемъ, а злобой и жаждой сопротивленія; ее бѣсила мысль, что она проиграла всѣ свои деньги въ рулетку, тогда какъ, улыbnись ей счастье еще въ этотъ день, она могла-бы повести домой значительную сумму денегъ, или, продолжая игру, приобрѣсти цѣлое состояніе, которое обезпечило-бы все ея семейство. Даже теперь это было еще возможно! Хотя у нея оставалось только четыре соверена, но она могла заложить свои золотыя вещи, что на германскихъ водахъ не считается позоромъ; даже не получивъ этого рокового письма, она, по всей вѣроятности, рѣшилась-бы заложить свое эстресское ожерелье,—

которое она, по счастливой случайности, давно уже не надѣвала,—чтобы имѣть право сказать, что живетъ широко и беззаботно, а не скучно и тупо. Съ десятию соперниками въ карманѣ и съ прежнимъ счастьемъ, которое, она была убѣждена, должно вернуться къ ней, она могла-бы сдѣлать многое. Для нея, пожалуй, лучше было остаться еще нѣсколько дней и продолжать игру. Если ея родственники и не одобрятъ способа пріобрѣтенія ея денегъ, то все-же деньги у нея будутъ.

Воображеніе Гвендолинны рисовало ей блестящія перспективы подобной рѣшимости, хотя и не такъ убѣдительно и неопровержимо, какъ обыкновенно бываетъ со страстными игроками. Она взялась за рулетку, побуждаемая не страстью къ игрѣ, а желаніемъ испытать, есть-ли у нея эта страсть: ея умъ былъ въ состояніи исполнѣть трезво звѣснить всѣ случайности. Блестящая картина выигрыша плѣняла ее, но возможность проигрыша представлялась ей столь-же ясно, со всѣми тяжелыми для ея гордости послѣдствіями. Она рѣшилась скрыть отъ Лангеновъ несчастіе, разразившееся надъ ея семействомъ, и тѣмъ избавить себя отъ ихъ состраданія; но если-бъ она заложила свои золотыя вещи, то ее непремѣнно осыпали-бы вопросами и упреками. Единственный путь избѣгнуть невыносимыхъ для нея непріятностей было—заложить ожерелье на слѣдующее утро, какъ можно ранѣе, сказать Лангенамъ, что мать требуетъ ея немедленнаго возвращенія безъ всякаго предлога, и въ тотъ-же вечеръ уѣхать въ Брюссель. Правда, у нея не было горничной, и Лангены могли воспротивиться ея отъѣзду безъ приличной спутницы, но ея рѣшимость была непреклонна.

Она не легла спать, зажгла всѣ находившіяся въ комнатѣ свѣчи и стала поспѣшно укладывать свои вещи. Въ головѣ-же ея по-прежнему тѣснились противоположныя мысли о могущихъ произойти на слѣдующій день затрудненіяхъ; то ей мерещились непріятныя объясненія и прощанье съ Лангенами, быстрое путешествіе къ грустно преобразившемуся родительскому дому, то ее соблазняла возможность остаться еще одинъ день и снова попытать счастья въ рулетку. Но въ глазахъ ея рулетка теперь была неизбежно